

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССХХХV.

1901.

І Ю Н Ъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Балашевъ и К^{ча}“. Наб. Фонтанки, 95.

1901.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Именной Высочайшій указъ	71
II. Высочайшія повелѣнія	—
III. Высочайшіе приказы	78
IV. Приказы министра народнаго просвѣщенія	86
V. Министерскія распоряженія	87
VI. Опрежденія Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр.	98
VII. Опрежденія Особаго отдѣла Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр.	108
VIII. Опрежденія Отдѣленія Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр. по техническому и профессиональному образованію	111
Открытіе училищъ	111
Двадцать второе присужденіе премій Императора Петра Великаго.	113

Е. Н. Щепкинъ. Русско-австрійскій союзъ во время Семилѣтней войны. Глава III (продолженіе)	277
Н. М. Петровскій. Къ вопросу о драмѣ А. Дунча „Robinja“	307
А. Н. Савинъ. Соціальная исторія Англіи XV и XVI вѣка въ новой исторіографіи	318
И. М. Красноперовъ. Нѣкоторыя данныя по географіи Смолен- скаго и Тверскаго края въ XII вѣкѣ	346
Е. А. Сидоровъ. Литературное общество „Арзамасъ“	357
А. М. Ону. Наказы третьяго сословія во Франціи въ 1789 году. Глава четвертая (продолженіе)	392

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. В. Сиповскій. Критико-библіографическій обзоръ Пушкинской юбилейной литературы 1899 года. V (продолженіе)	446
Н. Н. Дебольскій. Н. Я. Гурляндъ. Ямская гоньба въ Московскомъ государствѣ до конца XVII вѣка. Ярославль. 1900	488
— Н. Я. Гурляндъ. Новгородскія ямскія книги 1586—1631 гг. Ярославль. 1900	—
А. Г. Вороновъ. А. Мушниковъ. Основныя понятія о нравствен- ности, правѣ и общежитіи. С.-Пб. 1894	601
— А. Мушниковъ. Обиція начала законовѣдѣнія С.-Пб. 1894	—
— А. Мушниковъ. Русскіе государственныя и гражданскіе за- коны и свѣдѣнія изъ международнаго права. С.-Пб. 1898	—
В. А. Францевъ. Къ исторіи паданій Реймскаго Евангелія	611
А. Н. Соболевскій. В. И. Перетцъ. Историко-литературныя изслѣ- дованія и матеріалы. С.-Пб. 1900	617
С. О. Платоновъ. Нѣсколько словъ по поводу „Отвѣта“ Д. И. Ило- вайскаго	624
— Книжныя новости	628

(См. 3-ю стр. обложки).

СОЦІАЛЬНА ІСТОРІЯ АНГЛІИ XV И XVI ВѢКА ВЪ НОВОЙ ІСТОРІОГРАФІИ.

Англійская соціальная історія XV и XVI вѣка представляеть значительный научный интересъ, и въ литературѣ второй половины XIX вѣка существуетъ много попытокъ выяснить общій ходъ и смыслъ глубокихъ перемѣнъ, совершившихся за это время въ общественномъ строѣ страны. Мы рассмотримъ лишь главнѣйшіе изъ этихъ общихъ обзоровъ.

I.

Несомнѣнно Марксу принадлежитъ самое извѣстное объясненіе англійской соціальной історіи новаго времени. Чисто ученое значеніе тѣхъ отдѣловъ Капитала, которые посвящены XV и XVI вѣку, невелико. Но они представляютъ большой общественный и философскій интересъ, поскольку въ нихъ нашла себѣ очень яркое выраженіе теорія историческаго матеріализма и классовой борьбы. Каждый изслѣдователь, каково бы ни было его личное отношеніе къ этимъ воззрѣніямъ, обязанъ признать, что они получили широкое распространеніе не только въ качествѣ политической программы, что они оказали весьма существенное вліяніе на новѣйшую історіографію.

Еще въ 1869 Нассе напечаталъ свое извѣстное изслѣдованіе объ англійской сельской общинѣ въ средніе вѣка. Большая часть этой небольшой работы посвящена англо-саксонскому и феодальному періоду и превзойдена теперь гораздо болѣе широкими изслѣдованіями Сибма, проф. Виноградова, Мэтланда. Но, читая эти позднѣйшія сочиненія, не слѣдуетъ забывать, что очень многіе выводы ихъ были предвосхищены проницательнымъ нѣмецкимъ экономистомъ на осно-

ванні сравнительно скромного матеріала. В короткомъ отдѣлѣ объ аграрномъ переворотѣ XV и XVI вѣка Нассе оперируетъ съ еще меньшимъ матеріаломъ, но и здѣсь онъ устанавливаетъ нѣкоторыя важныя положенія, которыя отчасти до настоящаго времени остаются недостаточно разработанными. Этотъ краткій очеркъ выгодно отличается отъ многихъ позднѣйшихъ работъ послѣдовательнымъ проведеніемъ эволюціонной точки зрѣнія и основательнымъ знакомствомъ съ теоріей и исторіей сельскохозяйственныхъ системъ. Второе условіе имѣетъ большую важность: безъ изученія Тюнѳона и Гансена трудно понять англійскую аграрную исторію XV и XVI вѣка.

Въ то время какъ Марксъ видитъ въ аграрномъ переворотѣ непрерывный рядъ насилій, произведенныхъ неземледѣльческими классами, Нассе останавливается на внутреннихъ, чисто хозяйственныхъ условіяхъ переворота. Существо послѣдняго онъ видитъ въ переходѣ отъ трехполья къ пастбищно-полевому хозяйству (Feldgraswirtschaft). Причинами его онъ считаетъ по преимуществу три условія: морской климатъ Англіи, раннее развитіе внѣшней торговли и денежнаго хозяйства, высокія цѣны на шерсть. Необходимыя послѣдствія переворота состояли въ разложеніи средневѣковой общины, которая уступаетъ мѣсто крупному землевладѣнію и фермерскому хозяйству, въ быстрый ростъ рабочаго класса, городского и сельскаго пролетаріата. Нассе рѣшительно выступаетъ противъ мнѣнія, будто агрономическій переворотъ былъ шагомъ назадъ и переходомъ къ чистому пастбищному хозяйству. Онъ видитъ въ сельскомъ хозяйствѣ XVI вѣка непосредственное промежуточное звено между феодальнымъ трехпольемъ съ одной стороны, интенсивнымъ пастбищно-полевымъ хозяйствомъ XVII вѣка съ другой. Онъ рѣшительно высказывается и противъ мнѣнія о внезапности переворота. Онъ настаиваетъ на разнообразіи типовъ среди сельскихъ хозяйствъ XVI вѣка, указываетъ незамѣтные оттѣнки агрономическаго перехода, приводитъ ранніе и многочисленные прецеденты огораживаній и коммутаціи. Отличительная черта переворота, которая всего болѣе способствовала исчезновенію крестьянъ, состояла по его мнѣнію именно въ постепенномъ и мѣстномъ характерѣ переменъ, въ отсутствіи законодательнаго вмѣшательства.

Уже Гансенъ въ своей рецензіи, гдѣ онъ выступаетъ рѣшительнымъ сторонникомъ теоріи классовой борьбы, отмѣтилъ односторонность взглядовъ Нассе, его недостаточное вниманіе къ условіямъ социальнымъ, взаимнымъ отношеніямъ различныхъ общественныхъ классовъ. По Гансену, только тогда мы будемъ въ состояніи понять столь

неблагопріятный для крестьянъ и общины ходъ англійской исторіи, если обратимъ преимущественное вниманіе на социальное могущество крупныхъ землевладѣльцевъ и промышленныхъ капиталистовъ, которые постепенно уничтожили крестьянъ и законными, и незаконными средствами. Для подкрѣпленія своего мнѣнія Гансенъ ссылается на ближе извѣстную ему исторію восточно-прусскихъ крестьянъ, которые были обезземелены несмотря на покровительство Фридриха II и законодательную эмпаиснацію XIX вѣка.—Нассе конечно могъ бы ослабить силу возраженія указаніемъ на то, что самыя отношенія общественныхъ классовъ были въ значительной мѣрѣ результатомъ господствовавшихъ тогда условій производства и распредѣленія; но онъ несомнѣнно преувеличилъ значеніе физическихъ и экономическихъ факторовъ процесса. Тѣмъ не менѣе, его работа представляетъ большой общій интересъ, поскольку она является противовѣсомъ революціонной точкѣ зрѣнія, нашедшей себѣ классическое выраженіе въ Капиталѣ. Но Нассе намѣчаетъ только главные вѣхи процесса и не входитъ въ специальную разработку вопроса. Съ чисто ученой точки зрѣнія и его работа имѣетъ въ настоящее время лишь историческое значеніе, ибо послѣдующія изслѣдованія пустили въ научный оборотъ значительно большее количество матеріала.

Десять лѣтъ спустя появилась другая извѣстная нѣмецкая работа, книга Охенковскаго. Большая и важнѣйшая часть ея посвящена исторіи ремесла и торговли, но она занимается и аграрной исторіей. Къ сожалѣнію, особенно въ отдѣлѣ объ аграрномъ переворотѣ, работа основана на изученіи сравнительно небольшого и притомъ односторонняго матеріала.

Источники Охенковскаго отчасти памфлеты, отражающіе болѣе настроеніе современниковъ, чѣмъ дѣйствительную социальную эволюцію, но главнымъ образомъ юридическіе акты, статуты государственныхъ, городскіе и гильдейскіе. Даже при изученіи исторіи права такой матеріалъ часто оказывается одностороннимъ. Его недостаточность выступаетъ еще яснѣе, когда имъ пользуются для объясненія хозяйственнаго развитія и обращаютъ меньше вниманія на исторію юридическихъ нормъ. Но за то въ предѣлахъ захваченнаго матеріала работа отличается большими достоинствами: она не выхватываетъ случайныя, отрывочныя мѣста для подкрѣпленія апріорной схемы, а старается обнять всю совокупность разработанныхъ источниковъ и въ то же время подвергаетъ отдѣльныя мѣста внимательному истолкованію. Послѣ Охенковскаго подробная интерпретація очень многихъ

государственныхъ и лондонскихъ статутовъ есть лишь малополезное повтореніе того, что уже сдѣлано.

Охенковскій приходитъ къ очень широкимъ и отвлеченнымъ выводамъ. По его мнѣнію, въ XV и XVI вѣкѣ экономическіе факторы общественной жизни освобождаются отъ своихъ прежнихъ узъ и получаютъ самостоятельность. Но это есть только переходное время, и было бы ошибочно считать его эпохою меркантилизма, который развивается только въ XVII вѣкѣ. Средневѣковые порядки сохраняютъ еще большое значеніе. Отличительной чертой средневѣковаго строя было зависимое положеніе экономическихъ факторовъ и мотивовъ. Личное стремленіе къ обогащенію было подчинено общественнымъ интересамъ и встрѣчало немедленную преграду со стороны церкви и государственной власти, если оно приходило въ столкновеніе съ интересами цѣлаго.

Хотя Охенковскій объявляетъ своею задачею исторію постепеннаго освобожденія хозяйственныхъ факторовъ, на дѣлѣ онъ посвящаетъ главное вниманіе вопросу прямо противоположному. Въ то время какъ другіе сознательно сосредоточиваютъ свое вниманіе на новыхъ теченіяхъ хозяйственной жизни, Охенковскій постоянно настаиваетъ на тѣснѣйшей связи XV и XVI вѣка съ предыдущей эпохой. Въ этомъ отношеніи его книга до настоящаго времени не утратила поучительности и свѣжести, ибо никто другой послѣ не выдвигалъ указанной точки зрѣнія съ такою силою. Въ XV и XVI столѣтіи еще не было ни пастбищно-полеваго хозяйства, ни рѣзкой классовою борьбы между хозяевами и рабочими, ни сильной крупной промышленности, ни развитой меркантильной политики. Средневѣковыя основы еще не утратили своей жизненности. Индустрія покорится на мелкоу ремесленномъ производствѣ и въ городѣ и въ деревнѣ, мастера и подмастерья еще близки другъ къ другу, капиталъ не успѣлъ забрать большой силы, торговля всецѣло регламентируется и ограничивается государствомъ въ интересахъ цѣлаго. Только сельское хозяйство выступаетъ пятномъ на общей картинѣ. Здѣсь государственная власть со всѣми своими статутами оказывается безсильною, личные хозяйственные мотивы получаютъ преобладаніе, происходитъ отдѣленіе труда отъ земли, мелкое крестьянское хозяйство всецѣло уступаетъ мѣсто крупному и по большей части хищническому пастбищному хозяйству.

Постройка Охенковского открыта для нападеній съ двухъ сторонъ. Вѣрна ли характеристика средневѣковаго хозяйства? Велика ли связь

хозяйственныхъ порядковъ XVI вѣка съ предыдущимъ періодомъ? Въ томъ и другомъ случаѣ ошибки или преувеличенія Охенковского вытекаютъ изъ односторонности и недостаточности его матеріала. Въ феодальную эпоху жизнь деревни или маноровъ протекала почти безъ всякаго вмѣшательства со стороны государственной власти. Аграрный переворотъ XV и XVI вѣка вызываетъ рядъ статутовъ, но эти два—три десятка парламентскихъ актовъ положительно тонутъ въ морѣ маноріальныхъ документовъ, которые совершенно не приняты во вниманіе у Охенковского. Для историка хозяйственного быта государственное вмѣшательство въ деревенскую жизнь имѣетъ огромную важность, поскольку оно привело къ ряду кадастровъ и переписей. Но эти документы опять-таки не приняты во вниманіе Охенковскимъ. Поэтому его выводы о рѣзкомъ перерывѣ аграрной традиціи, о почти полномъ обезземеленіи крестьянъ, о господствѣ хищническаго пастбищнаго хозяйства остаются необоснованными.—У Охенковского болѣе надежная почва подъ ногами въ отдѣлахъ о ремеслѣ и торговлѣ. Съ одной стороны здѣсь государственное вмѣшательство всегда было довольно значительно, съ другой онъ пользуется здѣсь лондонскими документами, стоящими близко къ дѣйствительной жизни. И все-таки Лондонъ находился въ исключительныхъ условіяхъ, которыя не позволяютъ распространять на всю страну извѣстія столичныхъ источниковъ. Затѣмъ, настаивая на рѣшительномъ преобладаніи ремесла и слабомъ развитіи капитализма, Охенковский слишкомъ рѣзко противопоставляетъ эти два порядка и мало выдвигаетъ промежуточную форму, которая имѣла огромное значеніе въ Англіи XVI—XVIII вѣка, домашнюю форму крупной промышленности.

Черезъ годъ послѣ книги Охенковского появилась докторская диссертация М. М. Ковалевского, которая главнымъ образомъ занимается соціальною исторіей XV вѣка. Впослѣдствіи М. М. Ковалевскій распространилъ свои занятія и на XVI вѣкъ. Его статьи по соціальной исторіи Англіи XIV—XVI вѣка появлялись въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и были объединены во второмъ томѣ его „Экономическаго роста Европы“. Имя русскаго изслѣдователя получило такую большую извѣстность, что мы можемъ быть кратки въ общей характеристикѣ его трудовъ. Къ его крупнымъ достоинствамъ принадлежитъ наклонность къ широкимъ обобщеніямъ, рѣдкая работоспособность, обширная и необыкновенно разнообразная эрудиція, позволяющая ему плодотворное пользованіе сравнительнымъ методомъ. Но широкая постановка изслѣдованія и работа въ очень далекихъ

другъ отъ друга областяхъ историческаго изученія связана съ извѣстнаго рода опасностями: изложеніе получаетъ невольно и нерѣдко характеръ профессорскихъ лекцій, которыя обязаны говорить обо всемъ, и говорить твердо и рѣшительно, хотя бы въ научной литературѣ значительная часть предмета оставалась недостаточно ясной и установленной. Ignoramus робкаго эрудита слишкомъ рѣдко слышится на страницахъ этихъ интересныхъ и смѣлыхъ работъ. Какъ ни велика эрудиція русскаго ученаго, она по необходимости не всегда находится въ соотвѣтствіи съ многочисленностью, важностью и трудностью затронутыхъ вопросовъ; ибо разработка необходимаго для ихъ рѣшенія необозримаго матеріала далеко превышаетъ силы одного работника. Оттого и отдѣльные источники не всегда получаютъ исчерпывающее истолкованіе.

Въ докторской диссертациі М. М. Ковалевскій самымъ широкимъ образомъ примѣняетъ статистическій методъ. Онъ самъ дѣлаетъ оговорку о приблизительномъ и вѣроятномъ характерѣ полученныхъ выводовъ, оправдывая себя авторитетными прецедентами. Онъ ставитъ и рѣшаетъ вопросы первостепенной важности. Численность населенія, процентъ городского населенія, площадь запашки, отношеніе послѣдней къ площади пастбищъ, площадь церковнаго, монастырскаго, рыцарскаго, короннаго землевладѣнія, средній годовой сборъ хлѣба въ странѣ,—все находитъ себѣ точное числовое выраженіе, и на основаніи весьма ограниченнаго круга источниковъ. Конечно выводы получились лишь вслѣдствіе одинаковаго довѣрія къ очень пестрымъ извѣстіямъ, послѣ распространенія на всю страну извѣстій двухъ—трехъ картуларіевъ, послѣ цѣлаго ряда упрощающихъ предположеній.

Несмотря на весь авторитетъ столь извѣстныхъ изслѣдователей, какъ Сибомъ и Ковалевскій, подобная гадательная и силлогистическая статистика интересна больше постольку, поскольку она возбуждаетъ вопросъ о возможности настоящей статистики, основанной на массовомъ наблюденіи и подсчетѣ. Возможно ли примѣненіе количественнаго анализа къ изученію социальной и въ частности аграрной исторіи XVI вѣка? Къ сожалѣнію, статистическій методъ примѣнимъ къ этой исторіи въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Мы не имѣемъ для XVI вѣка кадастра, подобнаго Книгѣ Страшнаго Суда или даже Сотеннымъ спискамъ: намъ невозможно установить даже такіе элементарные факты, какъ общую численность населенія или площадь запашки. Важнѣйшій матеріалъ, допускающій примѣненіе

статистическаго метода, есть Цѣнность церковныхъ земель (Valor Ecclesiasticus) и правительственныя изслѣдованія объ огораживаніяхъ. Но лишь часть этого матеріала издана, еще меньшая часть изучена; при томъ отвѣтъ можетъ быть полученъ лишь на немногіе вопросы. Для аграрной исторіи времени всего важнѣе сопоставленіе и свodka извѣстій по возможно большому числу отдѣльныхъ маноровъ. Но здѣсь встрѣчаются большія трудности и можетъ быть рѣчь только о статистикѣ грубой: либо приблизительной, либо распространяющейся только на часть страны. Трудно сопоставлять извѣстія, раздѣленные даже не очень значительнымъ промежуткомъ времени, ибо этотъ періодъ былъ временемъ быстрыхъ перемѣнъ. Многіе маноріальные документы погибли. Издана лишь очень небольшая часть упоминанныхъ документовъ. А многіе недоступны и въ рукописи, ибо все еще хранятся въ частныхъ архивахъ. Тѣмъ не менѣе примѣненіе статистическаго метода къ аграрной исторіи періода, даже въ очень ограниченныхъ поневоля размѣрахъ, составляетъ насущную потребность историографіи. Какіе важные результаты даетъ его примѣненіе даже въ сравнительно элементарной формѣ, о томъ свидѣтельствуетъ появившаяся недавно работа Паджа, своими тремя таблицами устранившая самую возможность защищать нѣкоторыя мнѣнія, часто встрѣчавшіяся доселѣ въ литературѣ. Но матеріалъ такъ великъ и такъ мало обработанъ въ монографіяхъ, что количественная свodka извѣстій можетъ быть удѣломъ не очень близкаго будущаго и результатомъ труда очень многихъ изслѣдователей. До сихъ поръ литература сосредоточивалась на объясненіи общаго хода социальнѣйшей эволюціи, на ея качественномъ анализѣ, если можно такъ выразиться. Соціальная исторія имѣетъ дѣло по преимуществу съ двумя сторонами общественной жизни: съ правоспособностью различныхъ общественныхъ классовъ и съ ихъ хозяйственнымъ положеніемъ. У М. М. Ковалевскаго, юриста по своей преподавательской дѣятельности, въ работахъ по англійской исторіи, исторія хозяйственнаго быта получаетъ рѣшительное преобладаніе надъ исторіей юридическихъ нормъ: для широкихъ выводовъ и сравненій экономическая эволюція даетъ гораздо больше, чѣмъ сложная и своеобразная исторія англійскаго права, гдѣ необходимо точное, осторожное истолкованіе и сопоставленіе статутовъ, руководствъ, процессуальныхъ записей. Съ М. М. Ковалевскимъ невозможно согласиться въ нѣкоторыхъ юридическихъ вопросахъ. Онъ думаетъ напримѣръ, что юридическое обезпеченіе конингольда закончилось въ XV вѣкѣ и рѣшаетъ вопросъ ссылкой на

вѣроятную интерполяцію въ 77 статьѣ Литълтона; въ своей позднѣйшей работѣ онъ повидимому игнорируетъ Лидэма, который между тѣмъ выяснилъ трудность вопроса. Онъ думаетъ, что Уестминстерскій статутъ распространилъ постановленія Мертонскаго статута на виллановъ; въ статутѣ рѣчь идетъ о сосѣдяхъ и подъ ними разумѣются фригольдеры. Онъ думаетъ, что известное мѣсто С. Джермана свидѣтельствуетъ о рѣзкомъ поворотѣ юристовъ въ пользу огораживаній; на дѣлѣ мѣсто темно и повидимому не имѣетъ большого значенія.

Но нарисованная русскимъ ученымъ широкая картина общихъ хозяйственныхъ измѣненій заслуживаетъ полнаго вниманія. Предпочтеніе нужно отдать тремъ главамъ его новѣйшей работы (XIX—XXI), которыя охватываютъ также и XVI вѣкъ и опираются на болѣе обширный матеріалъ: въ отличіе отъ Охенковскаго къ изслѣдованію привлечены очень разнообразныя источники, и печатные и рукописные. Г. Ковалевскій является убѣжденнымъ сторонникомъ эволюціонной точки зрѣнія и явно склоняется къ мнѣнію о первенствующемъ значеніи экономическихъ явленій въ общественномъ развитіи. Основными двигателями процесса онъ считаетъ ростъ населенія и въ связи съ этимъ ростъ запроса на землю и поземельной ренты. Отсюда паденіе крѣпостного права и мирный переворотъ въ сельскомъ хозяйствѣ, замѣняющій двухполье и трехполье многопольемъ; послѣднее ведется арендаторами—капиталистами, ибо интенсивное хозяйство несовмѣстимо со средневѣковой общиной. Община падаетъ еще и потому, что противъ нея рѣшительно выступаютъ лэндлорды: они хотятъ забрать себѣ приростъ поземельной ренты, а община съ ея неподвижными порядками и платежами стоитъ препятствіемъ у нихъ на пути. Революція цѣнъ и быстро возрастающій спросъ на шерсть ускоряютъ разложеніе средневѣковаго строя и выдвигаютъ впередъ огораживаніе общинныхъ пастбищъ и развитіе овцеводства. Особенно важнымъ моментомъ является секуляризація, которая выбрасываетъ на рынокъ церковныя земли, расширяетъ крупное землевладѣніе и даетъ сильный толчокъ развитію пауперизма. Любимая мысль автора о первенствующей роли буржуазіи слабо развита въ работѣ. Г. Ковалевскій считаетъ возможнымъ установить двѣ стадіи въ аграрной исторіи XVI вѣка и только по отношенію ко второй примѣняетъ точку зрѣнія Нассе. Въ первой половинѣ вѣка на огороженныхъ земляхъ быстро развивается чистое пастбищное хозяйство, которое будто бы приводитъ къ недостаточному производ-

ству хлѣба и соотвѣтственно обостренной нуждѣ обезземеленнаго населенія. Правительственныя попытки повернуть назадъ экономическое развитіе оказываются безсмысленными. И въ эпоху Елизаветы англійское хозяйство въ силу необходимости избираетъ единственный выходъ изъ затрудненія, переходъ къ болѣе интенсивному хозяйству, которое только напрасно г. Ковалевскій называетъ сразу „плодоперемѣннымъ“. Напрасно также онъ опирается здѣсь на „Стаффорда“: Ламондъ показала, что трактатъ мнимаго Стаффорда относится по всему вѣроятію ко времени Эдуарда VI.

Только въ спеціальному изложеніи можетъ найти себѣ мѣсто подробная оцѣнка этихъ положеній, которая вѣроятно покажетъ справедливость многихъ изъ нихъ. Въ краткомъ обзорѣ возможно лишь общее замѣчаніе объ отношеніи выводовъ къ источникамъ. Авторъ опирается на большой и очень разнообразный матеріалъ. Часть его составляютъ малонадежныя цифровыя данныя лѣтописей и петицій, тенденціозныя жалобы проповѣдей и памфлетовъ; очень значительная часть однако имѣетъ документальный характеръ. Но затронутые вопросы такъ многочисленны и сложны, что даже цитаты изъ документовъ нерѣдко больше иллюстрируютъ, чѣмъ обосновываютъ положенія текста. Распространенность и сравнительная важность многихъ общественныхъ явленій остается неясною. Это впрочемъ почти всецѣло объясняется состояніемъ нашихъ источниковъ; возраженіе направлено преимущественно противъ категоричности изложенія.

Роджерсъ несомнѣнно больше всѣхъ другихъ ученыхъ поработалъ надъ экономической исторіей Англіи и расширилъ запасъ нашихъ свѣдѣній въ этой области. Всего важнѣе его „Исторія земледѣлія и цѣнъ“, ибо „Шесть вѣковъ труда и заработной платы“ и „Экономическое истолкованіе исторіи“ представляютъ главнымъ образомъ популяризацию большой работы. И въ то же время примѣръ Роджерса краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о недостаточности одной эрудиціи. Позднѣйшіе изслѣдователи часто обращаются и будутъ обращаться къ собранному имъ огромному сырому матеріалу, но они уже показали ошибочность почти всѣхъ его общихъ положеній. Отъ Роджерсовской конструкціи англійской соціальной исторіи не остается теперь почти ничего. Но она должна найти себѣ мѣсто въ историографическомъ обзорѣ, какъ крайнее выраженіе катастрофической точки зрѣнія.

Я едва ли впаду въ преувеличеніе, если скажу, что Роджерсъ выводитъ соціальную исторію Англіи изъ пяти катастрофъ. Черная

Смерть, возстаніе Уота Тайлера, открытіе серебряной руды въ Америкѣ, порча монеты при Генрихѣ VIII и Эдуардѣ VI, заговоръ землевладельцевъ и капиталистовъ въ пятый годъ Елизаветы. Вотъ вкратцѣ существо его взгляда.

Маноріальный строй, долго господствовавшій въ странѣ, былъ совершенно разрушенъ эпидеміей половины XIV вѣка: страна обезлюдѣла, рента страшно упала, заработная плата сильно возросла. Маноріальное хозяйство становится невыносимымъ, происходитъ быстрая и полная коммутація, а на доменѣ развивается крупная аренда съ хозяйскимъ инвентаремъ (land and stock lease). Разочарованные лэндлорды дѣлаютъ отчаянную попытку вернуться силою къ старымъ порядкамъ и вызываютъ возстаніе 1381 года, которое довершаетъ эмансипацію крестьянъ ихъ юридическимъ раскрѣпощеніемъ; вилланство исчезаетъ въ Англіи. Наступаетъ XV столѣтіе, золотой вѣкъ для англійскихъ крестьянъ и рабочихъ. Зарботная плата очень высока, цѣны очень низки. Аренда съ хозяйскимъ инвентаремъ уступаетъ мѣсто мелкой крестьянской арендѣ. Число фоменовъ и площадь крестьянскаго землевладѣнія быстро растутъ. — Разработка американскихъ рудниковъ и расточительность Генриха сразу и навсегда полагаютъ конецъ этому блаженному состоянію. Въ испанскіе и португальскіе порты все чаще и чаще приходятъ корабли съ американскимъ серебромъ и золотомъ, которое быстро переполняетъ европейскій денежный рынокъ и приводитъ къ революціи цѣнъ. Въ Англіи положеніе страшно осложняется другой катастрофой огромной важности: расточительный Генрихъ и хищные узурпаторы времени Эдуарда VI въ неслыханныхъ размѣрахъ прибѣгаютъ къ порчѣ монеты и доводятъ экономическій кризисъ до крайней степени напряженія. Цѣны стремительно поднимаются вверхъ, но заработная плата далеко отстаетъ отъ нихъ въ своемъ ростѣ. Отъ долгаго недостатка и довольства работники сразу переходить къ нуждѣ и нищетѣ. Когда при Елизаветѣ возстановилось правильное денежное обращеніе, лэндлорды и капиталисты вступаютъ въ заговоръ, чтобы закрѣпить благоприятное для нихъ хозяйственное положеніе. Статутъ пятого года налагаетъ на мировыхъ судей обязанность опредѣлять размѣръ заработной платы: ставленники лэндлордовъ и капиталистовъ устанавливаютъ заработокъ сельскихъ и мануфактурныхъ рабочихъ. Заговоръ приводитъ къ огромному росту пролетаріата, къ безчеловѣчнымъ законамъ о бѣдныхъ и сохраняетъ свою силу вплоть до двадцатыхъ годовъ XIX вѣка и дѣятельности Робдена.

Въ этой картинѣ прежде всего бросается въ глаза рѣзкое несоответствіе причинъ и слѣдствій. Если смотрѣть на нее пристально, то неменьшее удивленіе вызываетъ вопросъ, какимъ образомъ Роджерсъ отвелъ такъ мало мѣста самымъ основнымъ явленіямъ общественнаго развитія: разложенію общины, огораживаніямъ, смѣнѣ сельскохозяйственныхъ системъ. И недостаточное вниманіе къ самымъ важнымъ переи́намъ есть не случайное упущеніе, а сознательное намѣреніе. Роджерсъ настаиваетъ на томъ, что огораживанія и овцеводство оказали несравненно меньше вліянія, чѣмъ „безпредѣльное и безразсудное мотовство Генриха“. Онъ настаиваетъ на томъ, что въ земледѣліи не произошло рѣшительно никакихъ переи́нъ въ теченіе XVI вѣка, что агрономія Фицгерберта и Тессера совершенно совпадаетъ съ агрономіей Уольтера Генли; пастбищно-полевое хозяйство не существуетъ для него. Онъ настаиваетъ на полной неподвижности всякой ренты въ XVI вѣкѣ и думаетъ, что въ XVI вѣкѣ лэндлордамъ было трудно найти арендаторовъ даже на очень льготныхъ условіяхъ. Онъ доходитъ даже до страннаго противорѣчія со своей общей схемой: по его мнѣнію, йомены выиграли всего больше отъ экономическаго переворота, значительно больше краткосрочныхъ фермеровъ, а злополучные лэндлорды лишь съ большими усилиями смогли удержать свою долю общественнаго продукта.

Почти всѣ выводы Роджерса устранены послѣдующими специальными и общими работами. Коммутація началась раньше Черной Смерти и кончилась несравненно позже 1381 года; аренда съ хозяйскимъ инвентаремъ исчезаетъ несравненно позже первой четверти XV вѣка; у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о попыткѣ лэндлордовъ вернуться къ натуральнымъ повинностямъ; вилланство не исчезло окончательно даже въ XVI вѣкѣ; какъ показала недавно Макъ-Арсоръ (Miss Mc. Arthur, Engl. Hist. Rev. IX, XIII), установленіе заработной платы мировыми судьями существуетъ съ самаго начала XV вѣка и едва ли примѣняется на дѣлѣ послѣ статута Елизаветы. Въ англійской исторіографіи до сихъ поръ упорно держатся дѣйствія пяти катастрофъ Роджерса: писатели самой различной величины признаютъ огромное вліяніе либо Черной Смерти, либо революціи цѣнъ. Я оставляю въ сторонѣ вопросъ о Черной Смерти, который выходитъ за предѣлы интересующаго меня періода, но долженъ остановиться на движеніи цѣнъ, которое считаютъ центральнымъ явленіемъ въ исторіи XVI вѣка такіе авторитетные писатели, какъ Сибомъ, Кеннингамъ и Мэтландъ.

Если отправляться въ данномъ случаѣ отъ важнѣйшихъ экономистовъ, то значеніе общаго подъема цѣнъ приходится а priori считать очень скромнымъ. Цѣна есть лишь матеріальное, денежное выраженіе цѣнности. Правда, экономисты очень расходятся въ пониманіи цѣнности, но почти всѣ они движеніе цѣнъ считают не производящимъ, а производнымъ, поверхностнымъ явленіемъ, которое рѣдко позволяетъ намъ судить объ общемъ ходѣ хозяйственной жизни. На основное теченіе экономического развитія не могутъ оказать существеннаго вліянія ни рѣзкія колебанія въ цѣнности серебра и золота, ни рѣзкія перемѣны въ денежномъ обращеніи, вродѣ порчи монеты или выпуска ассигнацій. Въ концѣ концовъ эти рѣзкія катастрофы отражаются одинаково на всѣхъ цѣнахъ и измѣняютъ лишь ихъ абсолютную величину, а не взаимное отношеніе. Поэтому вызванныя такими катастрофами важныя соціальныя перемѣны, вродѣ значительнаго паденія реальной заработной платы, могутъ быть лишь явленіемъ временнымъ, преходящимъ.

Къ сожалѣнію, вопросъ едва ли рѣшается простою ссылкой на господствующую экономическую теорію. Теорія выведена изъ явленій капиталистическаго строя, гдѣ свободное соперничество и равновѣсіе спроса и предложенія не позволяютъ цѣнамъ значительно и надолго уклоняться отъ цѣнности. XVI вѣкъ былъ временемъ перехода, когда феодальный строй сохранилъ еще значительную силу и нѣкоторые цѣны опредѣлялись не „издержками производства“, не „количествомъ общественно-необходимаго труда“, не „предѣльною полезностью“, а неподвижнымъ или малоподвижнымъ матеріальнымъ обычаемъ и государственнымъ закономъ. На такія фиксированныя цѣны рѣзкія перемѣны въ цѣнности серебра или ходячей монеты не могли оказать большого воздѣйствія, а неподвижность однихъ цѣнъ при быстромъ движеніи другихъ могла привести къ важнымъ соціальнымъ послѣдствіямъ. Сибомъ и Мэтландъ ссылаются именно на неподвижность платежей копигольдеровъ, когда приписываютъ американскому серебру рѣшающее вліяніе на судьбу крестьянъ. Но прежде чѣмъ установить такой выводъ, нужно сначала доказать, что рента копигольдеровъ повсюду оставалась фиксированной, что она составляла основную часть ихъ феодальныхъ платежей, что копигольдеры составляли огромное большинство крестьянъ, что въ придачу къ своему надѣлу они не арендовали земли на условіяхъ общаго права и такъ далѣе. Однимъ словомъ, прежде чѣмъ дѣлать заключенія отъ движенія цѣнъ, необходимо на основаніи другихъ болѣе легкихъ и

ясныхъ источниковъ установить общія черты экономическаго и соціальнаго строя эпохи.

Но пользованіе извѣстіями о цѣнахъ связано и съ другими трудностями. Кеннингамъ рѣшительно и справедливо возсталъ противъ приѣма, съ помощью котораго Роджерсъ чрезмѣрно упрощаетъ вопросъ о реальной заработной платѣ. Роджерсъ просто дѣлитъ заработокъ взрослого работника на цѣну куортера пшеницы. Онъ устраняетъ вопросъ о заработкѣ другихъ членовъ семьи и о характерѣ потребленія, хотя, напримѣръ, мнѣніе объ исключительномъ потребленіи пшеницы нужно считать совершенно необоснованнымъ. Для подневной платы онъ устраняетъ вопросъ о постоянствѣ работы, для годового жалованья вопросъ о вознагражденіи натурою. Конечно трудности не исчерпываются тѣми, на которыя указываетъ Кеннингамъ. Роджерсъ вовсе не ставитъ существеннаго вопроса о томъ, есть ли работа по найму основное занятіе или только подсобная въ дополненіе къ собственному хозяйству. Онъ мало принимаетъ во вниманіе и мѣстный характеръ приводимыхъ имъ цѣнъ. Въ силу разныхъ условій, въ Англіи XV и XVI вѣка было еще много рынковъ и слѣдовательно много цѣнъ, при чемъ разница между предѣльными цѣнами достигаетъ иногда весьма значительнаго размѣра.

Мы встрѣчаемся далѣе съ затрудненіемъ совершенно элементарнаго свойства. Извѣстія о цѣнахъ представляютъ рядъ именованныхъ чиселъ. Но что означаютъ эти фунты, шиллинги и пенсы? Даже здѣсь мнѣнія сильно расходятся. Полемика Сибомъ и Кеннингама съ Роджерсомъ слишкомъ специальна, чтобы излагать ее здѣсь подробно. Но нужно указать, что вплоть до XVI вѣка Роджерсъ видитъ въ фунтахъ и шиллингахъ неизмѣнныя вѣсовыя единицы чистаго серебра; платежи по вѣсу смѣнились платежами по числу монетъ какъ разъ передъ двумя денежными катастрофами XVI вѣка. Сибомъ и Кеннингамъ видятъ все время въ фунтахъ и шиллингахъ ходячую монету. Чтобы уяснить всю разницу этихъ взглядовъ, достаточно сказать, что вѣсъ чистаго серебра въ ходячей монетѣ уменьшился почти вдвое между 1300 и 1500.

Всего хуже дѣло обстоитъ съ опредѣленіемъ мѣнновой цѣнности самого серебра. Еще А. Смитъ выяснилъ крайнюю трудность опредѣленія цѣнности денегъ и Роджерсъ, Сибомъ и Кеннингамъ не преодолѣли этихъ трудностей. Роджерсъ полагаетъ, что цѣнность серебра не мѣнялась въ XIV и XV вѣкѣ. Сибомъ и Кеннингамъ думаютъ, что въ тотъ же періодъ цѣнность серебра поднялась вдвое.

Обѣ стороны увѣрены, что ихъ мнѣнія представляютъ необходимую дедукцію изъ двухъ посылокъ: первая — неподвижность цѣны пшеницы въ XIV и XV вѣкѣ, вторая — спорный фактъ платежей по вѣсу у Роджерса, по числу монетъ у Сибома и Кеннингама. На дѣлѣ обѣ стороны имѣютъ еще одну, уже не спорную, а невѣрную посылку: онѣ принимаютъ куортеръ пшеницы за общее и неизмѣнное мѣрило цѣнности. Только это ошибочное предположеніе дѣлаетъ обязательною ихъ дедукцію. Если отбросить посылку о неизмѣнной цѣнности пшеницы, принудительность силлогизма исчезаетъ. Возьмемъ мнѣніе Роджерса. Платежи дѣлаются по вѣсу серебра; цѣна пшеницы въ XIV и XV вѣкѣ почти неподвижна. Значитъ ли это непремѣнно, что цѣнность серебра неподвижна? Нисколько. Мы имѣемъ полное право утверждать, не впадая въ абсурдъ, что цѣнность серебра въ то же время поднялась вдвое. Для этого нужно только сдѣлать предположеніе, что и цѣнность пшеницы за то же время поднялась вдвое; а такое предположеніе не заключаетъ въ себѣ формальнаго противорѣчія. — Возьмемъ мнѣніе Сибома и Кеннингама. Платежи дѣлаются по числу монетъ, за два вѣка уменьшившихся въ вѣсѣ вдвое; цѣна пшеницы въ XIV и XV вѣкѣ почти неподвижна. Значитъ ли это непремѣнно, что цѣнность серебра въ то же время поднялась вдвое? Нисколько. Мы имѣемъ полное право утверждать, что цѣнность серебра все время оставалась неподвижной. Для этого нужно только сдѣлать предположеніе, что цѣнность пшеницы за то же время уменьшилась вдвое; а такое предположеніе не заключаетъ въ себѣ формальнаго противорѣчія.

Измѣнялась ли однако въ дѣйствительности мѣновая цѣнность пшеницы и серебра? Даже приблизительное, грубое рѣшеніе этого вопроса возможно лишь послѣ сопоставленія разновременныхъ и разномѣстныхъ цѣнъ очень многихъ товаровъ, что для XIV и XV вѣка очень нелегко. Вообще огромный матеріалъ цѣнъ, собранный Роджерсомъ, въ качествѣ историческаго источника даетъ слишкомъ мало въ сравненіи съ тѣми трудностями, которыя онъ представляетъ при критическомъ пользованіи. Элементарный экскурсъ въ область теоретической экономіи приводитъ къ отрицательному, но важному выводу. Матеріалъ цѣнъ можетъ быть привлеченъ къ изслѣдованію съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ лишь послѣ того, какъ будутъ использованы другіе, болѣе легкіе и благодарные источники, все еще ждущіе своей разработки.

Книги Ашли и Кеннингама въ одномъ отношеніи похожи другъ

на друга: ихъ цѣль не столько двинуть впередъ изслѣдованіе, сколько собрать и провѣрить то, что уже сдѣлано. Но между ними есть и большое различіе.

Ашли принадлежитъ хорошая монографія по исторіи шерстяного производства въ XV вѣкѣ. Со значительно меньшимъ успѣхомъ выступалъ онъ въ качествѣ оригинальнаго изслѣдователя въ аграрной исторіи, смѣло вступая въ полемику съ проф. Виноградовымъ и Лидзомъ. Но большая часть его многочисленныхъ работъ не имѣетъ самостоятельнаго характера. Ашли—очень способный популяризаторъ: онъ обладаетъ весьма большою начитанностью въ историко-экономической литературѣ, талантомъ изложенія, ясностью мысли, которая впрочемъ при рѣшеніи сложныхъ вопросовъ граничитъ съ прямолинейностью. Вредитъ ему чрезмерное пристрастіе къ воззрѣніямъ Фюстеля и Сибома, которыя при томъ получаютъ у ученика болѣе рѣзкую форму, чѣмъ въ работахъ учителей.

Чтеніе и отчасти самостоятельныя изысканія помогли Ашли установить нѣкоторыя вполнѣ правильныя точки зрѣнія на развитіе промышленности въ XV и XVI вѣкѣ. Онъ справедливо настаиваетъ на томъ, что начало крупнаго производства, по крайней мѣрѣ шерстянаго производства, нужно отнести къ XV вѣку, когда аграрный переворотъ только начинался и слѣдовательно мало вліялъ на индустрію. Опираясь на нѣмецкую литературу, онъ отмѣчаетъ быстрое развитіе домашней формы крупнаго производства и въ этомъ отношеніи, виѣстѣ съ Кеннингамомъ, существенно измѣняетъ взглядъ Охенковскаго, односторонне настаивающаго на господствѣ мелкаго ремесла. Съ другой стороны и Ашли и Кеннингамъ слѣдуютъ за Охенковскимъ, когда выдвигаютъ впередъ быстрое перемѣщеніе промышленныхъ центровъ изъ города въ деревню и продолжительную связь индустріи съ земледѣіемъ. Ашли справедливо возстаетъ противъ преувеличенныхъ представленій о ростѣ пролетаріата въ XVI вѣкѣ. Онъ указываетъ на значительные размѣры пауперизма уже въ XV вѣкѣ и замѣчаетъ, что новая индустрія должна была дать заработокъ значительной части обезземеленнаго населенія. Онъ первый выяснилъ истинный характеръ секуляризаціи гильдій точнымъ истолкованіемъ двухъ статутовъ (37 Н. VIII с. 14, 1 Е. VI с. 14). Невѣрное пониманіе такихъ общедоступныхъ и важныхъ источниковъ свидѣтельствуетъ, какъ мало еще разработана социальная исторія періода. Только часть имущества гильдій была конфискована, а самыя гильдіи продолжали существовать и послѣ секуляризаціи. Такихъ

образомъ, эти законы не могли оказать очень большого вліянія на ростъ пролетаріата.

Слѣдуя за нѣмецкими экономистами, Ашли различаетъ три основныя стадіи въ исторіи земледѣлія: трехполье, пастбищно-полевое хозяйство, плодоперемѣнное хозяйство. Въ объясненіи аграрной эволюціи XVI вѣка онъ приближается къ Ковалевскому: въ началѣ переворота господствуетъ чистое пастбищное хозяйство, затѣмъ оно уступаетъ мѣсто болѣе интенсивнымъ формамъ. Но Ашли попадаетъ въ большія затрудненія, когда отъ нѣмецкихъ схемъ переходитъ къ болѣе конкретному объясненію процесса. Справедливо сознавая важность количественныхъ выводовъ, онъ пытался дать первую карту огораживаній: Горячій сторонникъ историческаго міровоззрѣнія, онъ постоянно слѣдуетъ индуктивному методу въ своихъ топографическихъ изысканіяхъ. Но это индукція очень неполная. Его источники—описанія графствъ конца XVIII и начала XIX вѣка, путевыя впечатлѣнія и политическіе памфлеты XVI вѣка. Поэтому полученная карта едва ли можетъ служить надежнымъ путеводителемъ. Такъ, Норсэмптоширъ причисляется у Ашли къ графствамъ, огороженнымъ въ большомъ размѣрѣ. Въ гораздо болѣе надежномъ официальном докладѣ 1607 года (Cunningham II 701—3) это графство приводится какъ самый типичный примѣръ неогороженной мѣстности. Сомерсетширъ причисляется у Ашли къ графствамъ, о которыхъ нѣтъ достаточныхъ свѣдѣній. Тотъ же документъ зоветъ Сомерсетширъ самымъ типичнымъ огороженнымъ графствомъ. Конечно не карта Ашли, а только изданный Лидэмомъ, но еще не изученный матеріалъ можетъ пролить свѣтъ на размѣры огораживаній.

Въ общемъ литературномъ обзорѣ книга Кеннинга не можетъ занять много мѣста. Она приближается къ типу не очень притязательныхъ, но очень полезныхъ университетскихъ руководствъ. Ея сила не въ оригинальности мысли и не въ послѣдовательномъ проведеніи одной точки зрѣнія. Общія воззрѣнія Кеннинга отличаются не очень глубокимъ эклектизмомъ, да онъ и мало заботится о сведеніи отдѣльныхъ выводовъ въ стройную систему. Но за то книга хорошо отражаетъ положеніе знаній въ данной области въ моментъ своего появленія. Она опирается на близкое знакомство не только съ исторіографіей предмета, но и съ источниками, отчасти и рукописными.

Трудно говорить объ общихъ взглядахъ работы, гдѣ общіе взгляды стоятъ на второмъ мѣстѣ и составляютъ болѣе слабую часть цѣлаго. Съ мнѣніями Кеннинга приходится считаться по разнымъ частнымъ

вопросамъ, гдѣ онъ проявляетъ большую эрудицію и здравый смыслъ. Болѣе общее значеніе имѣетъ его полемика съ Роджерсомъ. Кеннингамъ не придаетъ большой важности возстанію 1881 года. Онъ первый указалъ, что и коммутація и юридическое раскрѣпощеніе совершились гораздо позже, чѣмъ думалъ Роджерсъ. Онъ рѣшительно отрицаетъ и мнимый заговоръ при Елизаветѣ, справедливо выдвигая многочисленные прецеденты рабочаго законодательства и слабое примѣненіе статута Елизаветы.

Приводить ли къ какимъ-нибудь заключеніямъ обзоръ общихъ работъ? Я думаю, что при желаніи изъ него можно сдѣлать разные выводы. Можно говорить о связи этихъ работъ съ главными теченіями европейской историографіи и общественной мысли: о связи Нассе съ Гансеномъ и Мейценомъ, Ашли съ Сибомомъ и Фюстелемъ, о сравнительномъ методѣ въ работѣ Ковалевскаго, о рѣзкомъ отраженіи тенденцій историко-этической школы у Охенковскаго и социально-политической борьбы у Маркса. Можно говорить о рѣзкой противоположности между эволюціонной, катастрофической, революціонной точкой зрѣнія. Но я думаю, что самый главный выводъ будетъ совершенно элементаренъ: *мы знаемъ очень мало о социальной исторіи XV и XVI вѣка*. Намъ не должно смущать согласіе многихъ писателей во многихъ вопросахъ. Это согласіе есть согласіе незнанія. Различные писатели пользовались доселѣ однимъ и тѣмъ же матеріаломъ и слѣдили лишь за самыми общими линіями развитія. Особенно посчастливилось статутамъ противъ огораживаній и нѣкоторымъ памфлетамъ: Марксъ и Охенковский, Ферниваль и Секреттонъ, Ашли и Чэни приводятъ одинъ за другимъ одни и тѣ же, иногда очень длинныя мѣста изъ Мора и Фортескью, Краули и Старки, „Стаффорда“ и Гаррисона, Бэкона и Латимера. Но это мало подвигаетъ впередъ рѣшеніе самыхъ важныхъ вопросовъ. Когда и какъ были обезпечены права копигольдеровъ? Сколько виллановъ оставалось въ XVI вѣкѣ? Сколько земли было огорожено и какими способами? Какая судьба постигла крестьянскія хозяйства? Въ какомъ отношеніи пастбищное хозяйство стоитъ къ пастбищно-полевому? Какое мѣсто принадлежитъ крупной и какой мелкой арендѣ? Какое вліяніе оказалъ городской капиталъ на развитіе крупнаго фермерства?

Трудно сказать, въ какой мѣрѣ могутъ быть рѣшены эти вопросы. Но несомнѣнно, что для ихъ рѣшенія имѣется богатый и почти нетронутый матеріалъ. Освѣженіе и расширеніе матеріала, привлеченіе къ работѣ новыхъ и менѣе спорныхъ источниковъ составляетъ настоя-

тельную потребу історіографів. Ще очень многимъ изслѣдователямъ придется положить очень много труда, прежде чѣмъ можно будетъ согласиться съ извѣстнымъ мнѣніемъ Поллока объ англійской соціальной історіі XVI вѣка.

II.

Для спеціалиста изысканія по частнымъ вопросамъ представляютъ наибольшій интересъ, особенно если они опираются на свѣжія, документальный матеріалъ. Краткій обзоръ важнѣйшихъ статей и монографій покажетъ, что въ послѣднее время появилось нѣсколько интересныхъ работъ. Но онѣ только полагаютъ начало систематическому изученію нетронутыхъ разрядовъ наличнаго матеріала и больше ставятъ вопросы, чѣмъ рѣшаютъ ихъ.

Юридическая сторона соціальной історіи представляетъ менѣе трудностей для изученія, чѣмъ экономическая эволюція. Правовое положеніе различныхъ общественныхъ классовъ опредѣляется такими нормами, которыя не требуютъ количественнаго выраженія, по самой природѣ своей легче поддаются точной установкѣ и могутъ быть опредѣлены на основаніи меньшаго количества источниковъ. Если наши представленія о правоспособности самыхъ важныхъ группъ населенія отличаются неясностью, то это особенно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о слабой разработкѣ соціальной історіи періода. Полемика Ашли и Лидема съ полною ясностью обнаружила это для XV и XVI вѣка.

Ашли отпращивается отъ теоріи Фюстеля и Сибма, которой онъ остается вѣренъ, несмотря на работы профессора Виноградова и Мэтланда. Средневѣковая община имѣетъ крѣпостное происхожденіе, а вилланство есть промежуточное состояніе между старымъ рабствомъ и новой свободой. Феодальное вилланское право оставалось нетронутымъ очень долго, до половины XV вѣка. Но маноріальный обычай постепенно закрѣплялся и былъ готовъ превратиться въ законъ, когда наступилъ рѣзкій хозяйственный кризисъ, скотоводство стало выгоднѣе хлѣбопашества и лэндлорды оживили старѣющую юридическую теорію чистаго вилланства, чтобы согнать безправныхъ крестьянъ и замѣнить ихъ болѣе выгодными овцами. Послѣдовала борьба между лэндлордами и маноріальнымъ обычаемъ, на сторонѣ котораго было правительство и общественное мнѣніе. Въ концѣ концовъ, къ началу XVI вѣка, права копигольдеровъ были закрѣплены, но крестьяне

очень долго оставались безправными, и лэндлорды по крайней мѣрѣ до половины XVI вѣка безпрепятственно отымали у нихъ и пашни и усадьбы.

Выводы Ашли рѣзко противорѣчили установившимся въ литературѣ взглядамъ, которые правда опирались на очень скудный матеріалъ. Обыкновенно полагали, что вилланы XIII вѣка постепенно превращались въ копигольдеровъ и получали судебную защиту, что рѣшенія Дэнби и Брайана (1468, 1482) окончательно закрѣпили ихъ права и что послѣ этого вилланы были лишь археологическимъ куріозомъ. Ашли первый показалъ, что цитаты изъ *yearbooks* въ 77 статьѣ Литлтона есть повидному поздняя интерполяція, и Мэтландъ со всею силою своего авторитета призналъ важность этого замѣчанія. Но Ашли сдѣлалъ изъ своего наблюденія чрезмѣрно широкіе выводы. Онъ видитъ въ рѣшеніяхъ Дэнби и Брайана рѣзкій и единичный перерывъ юридической традиціи, не нашедшей для себя никакой почвы. Вилланы и копигольдеры по прежнему оставались безправны, и суды еще долго отказывали имъ въ защитѣ. Скудость ученаго аппарата находится у Ашли въ поразительномъ несоотвѣтствіи со смѣлостью выводовъ.

Если отбросить совершенно не идущія къ дѣлу цитаты XIII, XII, даже XI вѣка, то остается одно судебное рѣшеніе 1607 года и нѣсколько мѣстъ изъ изслѣдованія 1517 года, если не считать двухъ неизбѣжныхъ статутовъ противъ огораживаній.

Еретическія утвержденія Ашли заставили Лидэма пересмотрѣть весь вопросъ о крестьянской правоспособности, чтобы разъ навсегда устранить ихъ на основаніи широкаго изученія источниковъ.

Лидэмъ сдѣлалъ много, но больше для постановки вопроса, чѣмъ для его рѣшенія. Онъ напечаталъ въ изданіяхъ Королевскаго историческаго общества дошедшія до насъ бумаги комиссіи 1517 года, имѣющія первостепенную важность для соціальной исторіи періода. Онъ напечаталъ въ изданіяхъ Сельденова общества очень важныя процессуальныя записи Палаты прошеній и готовитъ къ печати не менѣе важныя записи Звѣздной палаты. Онъ привлекъ къ изслѣдованію въ значительномъ размѣрѣ и старый печатный матеріалъ. Но онъ главнымъ образомъ раскрылъ только неясность вопроса и противъ воли обнаружилъ долю истины въ легкомысленно обоснованныхъ утвержденіяхъ Ашли. Это зависѣло отчасти отъ личныхъ особенностей изслѣдователя, отчасти отъ трудности вопроса. Лидэмъ не обладаетъ ни остротой юридическаго анализа, ни способностью обобщенія. Онъ

упорно защищаетъ мнѣніе объ исконномъ дѣленіи крестьянъ на два класса, не имѣющихъ между собою ничего общаго: виллановъ и обычныхъ держателей. Всѣ перемены въ жизни деревни затронули только сидѣвшихъ на доменѣ безправныхъ виллановъ. Обычные держатели въ XI вѣкѣ находились въ томъ же положеніи, что и въ XVI. Они были юридически обезпечены и въ огораживаніяхъ принимали участіе только въ качествѣ огораживателей. — Этотъ взглядъ находится въ явномъ противорѣчій съ источниками и долженъ быть устраненъ. Но если даже остановиться только на матеріалѣ Лидэма, то и здѣсь возникаютъ большія трудности.

Юридическіе источники свидѣтельствуютъ о неправомерности судебного вышательства въ маноріальную жизнь и о большой пестротѣ въ составѣ крестьянскаго населенія въ XV и XVI вѣкѣ. Въ частности возникаетъ вопросъ о численности виллановъ и ихъ отношеніи къ копигольдерамъ.

Юрисдикція Палаты прошеній и Звѣздной палаты представляетъ свои затрудненія, ибо она въ значительной мѣрѣ носитъ характеръ административнаго вышательства. Даже знаменитыя рѣшенія Дэнби и Брайана все еще остаются очень неясными. Лидэмъ первый обратился къ *yearbooks* и попытался комментировать записи; но эти краткія записи оказались очень темными. Никто еще не обращался къ оригинальной записи этихъ знаменитыхъ процессовъ, и вообще огромный матеріалъ оригинальныхъ судебныхъ протоколовъ XVI вѣка (*Plea Rolls*) остается нетронутымъ. А безъ его изученія трудно рѣшить вопросъ о времени и размѣрахъ судебного вышательства въ маноріальную жизнь и о правоспособности зависимыхъ крестьянъ, тѣмъ болѣе что и необозримые маноріальные документы (*Court Rolls*) все еще не подверглись систематическому изученію.

Только въ самое послѣднее время молодой американскій ученый попытался воспользоваться маноріальными документами въ очень широкихъ размѣрахъ. Хотя монографія Пэджа останавливается главнымъ образомъ на XIV вѣкѣ и началѣ XV, она имѣетъ значительную важность и для XVI. Дѣло здѣсь вовсе не въ особенной глубинѣ общихъ взглядовъ или тонкости изслѣдованія, а въ свѣжести матеріала и сильныхъ сторонахъ статистическаго метода. Главный вопросъ есть вопросъ о коммутаціи, для рѣшенія котораго Пэджъ воспользовался по большей части рукописными протоколами маноріальныхъ судовъ и отчетами управляющихъ. Онъ составилъ таблицы для трехъ періодовъ: 1325 — 1350, 1350 — 1380, 1380 — 1435. Въ первой таблицѣ

81 маноръ, во второй 126, въ третьей 181. Для каждаго манора указывается дата документа, владѣлецъ, площадь запашки на доменѣ (не для всѣхъ маноровъ), приблизительный разиѣръ барщины. Вотъ итоги:

	1325—1350	1350—1380	1380—1485
Всѣ работы дѣлаются барщиной	44 манора	22	7
Половина " "	22	25	19
Мало " "	9	39	51
Барщины нѣтъ	6	40	104

Таблицы возбуждаютъ рядъ замѣчаній. Пэджъ воспользовался небольшою и легко уловимою частью извѣстій своего матеріала. Онъ сдѣлалъ односторонній подборъ маноровъ, ибо почти всѣ они церковныя. Онъ взялъ слишкомъ большіе промежутки, особенно для третьей таблицы. Онъ прибѣгаетъ къ нѣскольکو искусственной группировкѣ, при чемъ особенно странна группа съ половиной барщины. Данные о площади запашки на доменѣ не разработаны. Наконецъ, отдѣльныя извѣстія еще никѣмъ не проверены. И при всемъ томъ таблицы впервые даютъ намъ не только общій ходъ, но и количественные разиѣры нѣкоторыхъ важныхъ сторонъ аграрной эволюціи. Простая ссылка на эти 12 чиселъ есть достаточный отвѣтъ на утвержденія, будто коммутація закончилась къ 1381 году или будто 1381 годъ есть поворотный моментъ англійской исторіи.

Слабая разработанность исторіи права этого періода придаетъ большую важность и работамъ по исторіи судоустройства и судопроизводства. Здѣсь на первое мѣсто нужно поставить изданія Сельдена общества. Его душою является верховный авторитетъ въ исторіи англійскаго права—Фредерикъ Мэтландъ, неутомимая и блестящая дѣятельность котораго возбуждаетъ удивленіе всѣхъ лицъ, имѣвшихъ возможность познакомиться съ нею поближе. Онъ ведетъ юридическое преподаваніе въ Кэмбриджѣ. Ему принадлежатъ два большихъ и классическихъ трактата о раннемъ англійскомъ правѣ и длинный рядъ специальныхъ статей, всегда оригинальныхъ и остроумныхъ.

Руководя изданіями Сельдена общества, онъ всего болѣе содѣйствовалъ напечатанію многихъ основныхъ юридическихъ источниковъ XII—XIV вѣка. Общество приступило теперь къ изданію источниковъ XV—XVI вѣка и отчасти издало, отчасти готовитъ къ печати „избранные процессы“ Суда адмиралтейства, Канцлерскаго

суда, Лѣсныхъ судовъ, Палаты прошеній, Звѣздной палаты. Текстамъ предпосылаются очерки по исторіи соотвѣтствующаго трибунала. Бэльдонъ писалъ о ранней исторіи Канцлерскаго суда, впрочемъ мало прибавляя къ старой монографіи Спенса; Лидэмъ далъ первый связанный очеркъ по исторіи Палаты прошеній. Но конечно самое важное предисловіе принадлежитъ Мэтланду. Это—классическое предисловіе ко второму тому.

Ученіе Литлтона и Кока о трехъ маноріальныхъ куріяхъ есть результатъ поздняго развитія. Три куріи дифференцировались изъ первоначальнаго единого суда. Мэтландъ указываетъ на тѣсную связь одной куріи (*court leet*) съ институтомъ круговой поруки (*visus franci plegii*) и выводитъ эту юрисдикцію изъ феодальнаго иммунитета, постепенно теряющаго свою силу. Онъ показываетъ, какъ судъ фригольдеровъ (*court baron*) постепенно выдѣляется изъ галимота и теряетъ свое значеніе съ ростомъ королевской юрисдикціи. Какъ разъ судъ обычныхъ держателей (*customary court*) является наиболѣе чистымъ остаткомъ маноріальнаго строя и непосредственно восходитъ къ галимоту. Этотъ выводъ имѣетъ важное значеніе и для социальной исторіи, ибо выдвигаетъ огромное значеніе маноріальнаго обычая, присущій ему обязательный характеръ.

Выясненіе сущности маноріальнаго обычая необходимо для пониманія социальной исторіи періода, особенно исторіи огораживаній. Важнѣйшія монографіи о правахъ на общинное землепользованіе, которое стояло въ самой тѣсной связи съ огораживаніями, принадлежатъ Эльтону, Уильямсу, Дигби, Скреттону. Къ сожалѣнію, очень ученныя книги Эльтона и Уильямса суть практическія руководства по дѣйствующему праву, гдѣ историческіе экскурсы стоятъ на второмъ мѣстѣ; работы Дигби и Скреттона суть историко-логическіе трактаты. Работы англійскихъ юристовъ показываютъ, что даже чисто правовая сторона огораживаній отличается большою сложностью. *Common appendant*, *common appurtenant*, *common in gross*, *free foldage* имѣютъ не одинаковую юридическую природу. Существуетъ значительная разница въ юридической природѣ пользованія различными видами общинныхъ земель и угодій. Отношенія лэндлорда къ держателямъ очень различны въ зависимости отъ того, устанавливаются ли они статутомъ, письменнымъ договоромъ или давностью и маноріальнымъ обычаемъ. Очень разнообразны были и способы, которыми эти отношенія прекращались, даже на держаніяхъ одного типа. А между тѣмъ разрядовъ держаній было много въ XVI вѣкѣ. Нѣ-

сколько случаевъ крестьянскаго обезземеленія могли быть тождественны по своей экономической природѣ и въ то же время находить себѣ совершенно различное юридическое объясненіе. Главные авторитеты Уильямсъ и Эльтонъ особенно настаиваютъ на первенствующемъ значеніи пестраго маноріальнаго обычая. Но на ихъ мнѣніяхъ отражается практическая цѣль работы и догматическій характеръ изложенія: на явленія XVI вѣка они смотрятъ иногда глазами XIX вѣка. Они опираются по преимуществу на столь характерные для англійской юриспруденціи сборники судебныхъ рѣшеній. Между тѣмъ въ XVI столѣтіи вмѣшательство общихъ судовъ въ маноріальныя отношенія только складывалось и не отлилось еще въ законченныя формы; столкновеніе правъ очень часто не выходило за предѣлы манора. Поэтому записи маноріальныхъ судовъ представляютъ необходимый дополнительный источникъ. Тѣмъ не менѣе юридическіе трактаты XIX вѣка необходимы при изученіи огораживаній. Англійскій конингольдъ до самаго послѣдняго времени сохранялъ очень много архаическихъ чертъ, и вмѣшательство общихъ судовъ сказывалось не столько въ измѣненіи мѣстнаго обычая, сколько въ придачѣ ему безусловной связующей силы.

Главная новая работа по секуляризациі принадлежитъ англійскому бенедиктинцу Гаскэ. Изложеніе его носитъ повѣствовательный характеръ и преслѣдуетъ апологетическія цѣли. Гаскэ стремится показать, что монастыри были очень нужны для Англіи и что монахи являлись образцами христіанской нравственности, что дѣятели секуляризациі были наоборотъ глубоко развращены и навлекли на страну неисчислимыя бѣдствія. Отдѣлы, посвященные пострадавшимъ за вѣру инокамъ, носятъ прямо агіографическій характеръ. Гаскэ въ очень многомъ зависитъ отъ болѣе раннихъ церковныхъ историковъ, особенно Блѣнта и Диксона; но онъ самъ немало работалъ въ архивѣ и приводитъ рядъ важныхъ извѣстій и цифръ, выясняющихъ социальное значеніе секуляризациі.

Работа Гаскэ распространяется на всё королевство и уже потому не могла дать вполне точныхъ итоговъ. Гораздо надежнѣе цифры въ безпристрастной монографіи Арчболда, которая касается секуляризациі только въ предѣлахъ Сомерсетшира и приводитъ много важныхъ документовъ. Арчболдъ стоитъ на болѣе широкой точкѣ зрѣнія. Въ секуляризациі онъ видитъ болѣе послѣдствіе, чѣмъ причину общественныхъ перемѣнъ XVI вѣка. У него есть и нѣкоторыя оригинальныя мнѣнія. Онъ возстаетъ противъ взгляда, будто поли-

тика Тюдоровъ выдвинула исключительно новыхъ дворянъ въ противоположность феодальной знати. Онъ старается показать, что очень многие новые люди XVI вѣка принадлежали къ стариннымъ дворянскимъ родамъ, которые цѣлыя столѣтія играли важную роль въ жизни своихъ графствъ. Въ связи съ этимъ онъ настаиваетъ, будто и обычное мнѣніе о широкой спекуляціи съ секуляризованными землями страдаетъ преувеличеніемъ: значительная часть земель осталась за предѣлами спекуляціи, потому что сразу попала въ руки зажиточныхъ дворянскихъ семействъ.

Тому же важному вопросу о земельной мобилизаціи посвящена статья Давенпортъ, ученицы Ашли. Въ 1894 г. Давенпортъ составила очень полезную библиографію источниковъ по средневѣковой аграрной исторіи, а въ 1897 г. написала небольшую, но интересную статью объ аграрныхъ перемѣнахъ въ Стаффордширѣ. Она впервые попробовала въ большихъ размѣрахъ воспользоваться извѣстіями договоровъ объ отчужденіи земель (*pedes finium*) XIV, XV и XVI вѣка. Ея итоги еще не проверены, касаются немногихъ вопросовъ и вызываютъ нѣкоторыя методологическія возраженія. Но читатель можетъ сдѣлать изъ ея таблицы (1347 — 1586) любопытные выводы. До сороковыхъ годовъ XV вѣка площадь пастбища переходящаго изъ рукъ въ руки, ничтожна, затѣмъ она дѣлаетъ рядъ скачковъ, уже въ началѣ XVI вѣка догоняетъ соотвѣтственную площадь пашни, а въ половинѣ вѣка перегоняетъ ее. Площадь пашни, переходящей изъ рукъ въ руки, не испытываетъ существенныхъ перемѣнъ до начала XVI вѣка, потому она тоже дѣлаетъ рядъ скачковъ вверхъ. Максимумъ площади перехода относится къ десятилѣтію 1567—1576, когда эта площадь достигаетъ огромной цифры въ 176.000 акровъ, а между тѣмъ отчужденіе посредствомъ *pedes finium* было только однимъ изъ способовъ перехода земельной собственности. Но уже въ слѣдующее десятилѣтіе, послѣднее въ таблицѣ Давенпортъ, площадь мобилизаціи значительно падаетъ (120.000 акровъ).

Детальныя монографіи по исторіи отдѣльныхъ хозяйствъ имѣютъ большое значеніе даже въ хорошо изученныхъ областяхъ экономической исторіи. Особенную цѣну получаютъ онѣ въ столь слабо разработанной области, какъ экономическая исторія Англіи въ XV и XVI вѣкѣ. Я могу указать на двѣ поучительныя монографіи по отдѣльнымъ манорамъ въ литературѣ послѣдняго времени.

Корбетъ воспользовался Елизаветинскими описаніями нѣсколькихъ маноровъ въ Норфокѣ. Пониманіе трудныхъ источниковъ было ему

облегчено тѣмъ, что онъ самъ изъ Норфока и хорошо знаетъ топографію этихъ деревень. Сообразно характеру источниковъ Корбетъ говоритъ только о землевладѣніи, а не о земледѣліи. Но несмотря на свою односторонность, документы даютъ драгоценныя свѣдѣнія, особенно по исторіи огораживаній. Мы можемъ осязать строеніе этихъ посточныхъ мапоровъ. Мы узнаемъ съ полною точностью ихъ площадь и площадь домена, площадь огороженной земли и конфигурацію держаній, число держателей и величину ихъ участковъ. Для двухъ-трехъ мапоровъ мы можемъ слѣдить за движеніемъ землевладѣнія во второй половинѣ XVI вѣка. Въ одномъ случаѣ мы знакомимся съ заключительной стадіей огораживанія въ наименѣе изученной формѣ, съ огораживаніемъ по соглашенію.

Мнѣ особенно пріятно кончить свой обзоръ монографіей Мэтланда объ Уильбертонѣ. Опираясь на очень большое количество документовъ, онъ слѣдитъ за хозяйственной жизнью манора отъ Эдуарда I до Генриха VII. Въ источникахъ крестьянское хозяйство занимаетъ несравненно меньше мѣста, чѣмъ доменіальное, но за то это послѣднее въ мастерскомъ изображеніи учителя выступаетъ съ необыкновенною наглядностью, позволяющею намъ разглядѣть чуть не каждый фунтъ хозяйскаго прихода и расхода. Шагъ за шагомъ мы слѣдимъ за распаденіемъ маноріальнаго строя: Мэтландъ отправляется отъ полнаго раздѣла барщинныхъ порядковъ и оставляетъ Уильбертонъ много лѣтъ позже ихъ окончательной ликвидаціи. И все-таки монографія вызываетъ на замѣчанія. Они относятся не къ Уильбертону, гдѣ едва ли можетъ быть мѣсто для возраженій, а къ попыткѣ распространить условія даннаго манора на большинство остальныхъ. Уильбертонъ принадлежалъ до конца XVI вѣка епископской каедрѣ Или, а на церковныхъ земляхъ социальнo-экономическая эволюція протекала особенно медленно. Въ очень многихъ свѣтскихъ манорахъ мы встрѣчаемъ болѣе раннюю коммутацію, большее развитіе аренды на общемъ правѣ, меньшую неподвижность въ платежахъ обычныхъ держателей. Выводы изъ исторіи Уильбертона, по крайней мѣрѣ безъ предварительнаго изученія, не могутъ быть распространены на большинство маноровъ.

Александръ Савинъ.

БИБЛИОГРАФИЯ.

- I. Nasse. Ueber die mittelalterliche Feldgemeinschaft und die Eingegungen des XVI Jahrhunderts in England. 1869.
- Hansson. Agrarhistorische Abhandlungen. I 484--512. 1880.
- Ochenkowski. Englands wirtschaftliche Entwicklung im Ausgange des Mittelalters. 1879.
- Ковалевскій. Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ. 1880.
- Экономическій ростъ Европы, томъ II. 1900.
- Rogers. History of agriculture and prizes. 1866—1887.
- Six centuries of work and wages. 1884.
- Полемика о цѣнахъ. Rogers Econ. Interpr. 194 sqq. — Seeböhm. Fortn. Rev. New. Series VII 218 sqq., Arch. Rev. III 20 sqq. — Cunningham I 545 sqq.
- Ashley. Introduction to english economic history and theory. 1888—1893.
- Cunningham. Growth of english industry and commerce. 1892—1896.
- Ashley. Destruction of village community. Economic R. I. 358 sqq.
- II. Ashley. Character of villein tenure. Annals Amer. Acad. 1891 Jan. and Engl. Hist. R. VIII 294.
- Maitland. A new point on villein tenure. Law Q. R. VII 236.
- Leadam. The inquisition of 1517, introduction Trans. of the Royal Historical Society VI 167 VII 127. Villainage in England Pol. Science Q. VIII 653. Security of copyholders EHR, VIII 684. Last days of bondage LQR. IX 348.
- Page. The end of villainage in England. 1900.
- Maitland. Introduction to the Select Pleas in manorial courts. Seld. Soc. II.
- Elton. Treatise on commons and waste lands. 1868.
- Custom and tenant-right. 1882.
- Williams. Rights of commons. 1880.
- Digby. Introduction to the history of the law of real property. 1897.
- Scrutton. Commons and common fields. 1887.
- Gasquet. Henry VIII and the english monasteries. 1888.
- Archbold. Somerset religious houses. 1892.

Davenport. Agricultural changes of the XV century. Quart. Journ.
of Econ. XI 205.

Corbett. Elizabethan village surveys. Trans. of the R. Hist. Soc.
XI 67.

Maitland. History of a Cambridgeshire manor. Engl. Hist. R.
IX 417.